

Собачий кайф

Влад Козлов

Влад Козлов

Собачий кайф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67715934

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-92198-6

Аннотация

Как выглядит наш мир глазами собаки? Как же это – жить, не зная, что такое деньги, власть, политика, учёба или работа? Жизнь моего героя – это существование безучастного персонажа. Она может вам показаться бессмысленной, глупой и очень наивной, но иногда стоит посмотреть на нашу повседневную жизнь под другим углом. У ваших ног гуляет чудо – безымянный пёс с тысячей кличек, кто как назовёт – тем он сегодня и будет. Мой герой не знает, что такое быть человеком, но невероятно сильно хочет стать им. И тебе невероятно повезло, ведь в твоих руках – его дневник!

Влад Козлов

Собачий кайф

От автора

Собачий кайф? Серьёзно?

А вот так. Я мало знаю и буду бороться с этим. И в этой войне ручка – единственное моё оружие, а блокнот – мой верный щит.

Знаешь ли ты, мой дорогой читатель, как выглядит жизнь существа, который не принимает участия в том, что ты делаешь каждый день? Он не ходит в школу, не прогуливает пары в институте и не опаздывает на работу. Ему незачем бежать в метро, на уезжающий уже поезд, или искать потерянные ключи от дома. Жизнь моего героя – это существование безучастного персонажа. Она может вам показаться бессмысленной, глупой и очень наивной. Но иногда стоит посмотреть на то, что ты делаешь каждый день под другим углом.

И сегодня тебе повезло! Ты умудрился найти его дневник-тетрадку. Прочти и покажи ещё кому-нибудь.

ГАВ

Здравствуй, дорогой... ты кто? Вроде не дневник, а тетрадка какая-то странная. Увидел, недавно, как люди берут

ручки, рисуют ими буквы, пачкают бумагу, а потом перечитывают. А как прочтут – дадут еще кому-нибудь, чтоб он тоже прочёл да выбросил. Вот и я решил. Буду чирикать в этой тетрадке, как только вопрос у меня какой появится.

Я бы хотел вам рассказать, как меня зовут, какой я породы, и из какой я семьи. Хотел бы, если бы знал это. Так что оставляю это на ваше усмотрение. Ты тот, кто нашел мою старую зачириканную тетрадку, ты и придумывай, кто я такой. Придумай мне имя, внешность, а я уже от лица образа, созданного в твоей голове и расскажу тебе что-то такое, что я заметил, гуляя по лесу из ваших ног.

Прочти, да выброси, ну или дай почитать кому.

В этом дневнике я постараюсь рассказывать все самое интересное, что со мной происходит. Это моя личная книжка. Прямо как у человека. Все говорят, что нужно учиться на своих ошибках, вот и попробуем. Буду писать и перечитывать все-все свои записки!

Если ты нашел этот дневник, значит у тебя в руках учебник, по которому я жил. Или просто забавные наблюдения из моей жизни, я еще не знаю.

Ох, ну что тебе рассказать?

Однажды, помню, я появился на свет. Смутные времена были, впрочем, как и всегда. Нас было шестеро, вроде. Маленькие такие все. Потом трое стало, кого-то съели, кто-то утонул, кто-то уполз и замёрз. Но я этого не знал, мне рассказали. В моей памяти остался лишь запах деревянной кривой собачьей будки, в которой я рос. Запах старого сырого дерева и гнилой соломы, что лежала в углах размокшей деревянной коробки.

Зима была и многие мерзли. Все углы в нашей будке были мокрые и склизкие. Всё было мерзким и холодным, кроме животика моей мамы, в который уткнувшись носом мы и спали. Иногда мама уходила за покушать, и на месте, где она лежала оставался уютный след. Абсолютно сухой и ненадолго тёплый.

Так и грелись друг об друга, пока нас было много. Потом смотрел как угасают глазки моих братьев и как тускнеют глаза мамы. Всё это я видел – неясное зрелище. На тот момент я не понимал, почему их глаза гаснут.

После нескольких пар угасших глаз стало легче – нас мама в подвал перенесла. Там и спали до весны. А потом разошлись, будто и не знали друг о друге. Вот так появилась на свет моя жизнь. Вот так я и начал существовать в этом мире. Даже пройдя через всё это мне было весело.

Весело ведь, когда ничего не понимаешь. Мама понима-

ла, и её глазки тусклыми были. А я на снежок смотрел, любовался. Люблю я снежинки, уют в них есть. Они мне еще с детства рассказали о том, что даже среди хаоса можно увидеть порядок.

А как снежок кончился я пошел дальше, интересное в мире искать.

Много чего нашел, сейчас тебе всё расскажу, не спеши. Главное будь готов слушать, ведь ты все это знаешь.

Я был, есть и буду маленькой собачкой. Я всегда близко видел землю, травку, лужицы. Я видел людей, а они меня нет. Они никогда не замечают то, что у них под ногами. Почти всю жизнь они проводят на высоте более полутора метров над уровнем земли, а как оттуда разглядеть все самое маленькое и самое красивое? Как оттуда жизни и миру то радоваться? Потому я и люблю детей – они просто на одной волне со мной. В детстве и трава зеленее была просто потому, что ты её ближе видел. Позволял себе такую роскошь, как остановиться и полюбоваться ею. Один художник рассказывал мне разные причуды. Он то думал, что он говорил сам с

собой, а я умный – я его слушал, даже верил иногда.

И вот, сидя в очередной раз на холодной плитке, рядом с хлипким на вид раскладным табуретом этого самого художника я услышал следующее:

– Вот идут себе, паразиты. Нет бы кто остановился, посмотрел, может подсказал чего. Сижу тут себе, задницу отмораживаю, а эти всё спешат, и нет им дела до меня! Ни до чего нет дела – идут злые и угрюмые! А хоть кто-то остановись – посмотри ты вокруг. Вытащи наушник из уха – послушай ветер! Сними шарф – пусть горло тебе продует! Может, того гляди, детство вспомнишь. В лужу шагни – почувствуй, что она холодная и мокрая. Нашкодь – хоть что-то почувствуй! А еще подойди и муравейник поколупай палкой – посмотри, какой он интересный (не делайте так, муравьи очень хорошо знакомы с такими понятиями, как мат и месть). Или листик возьми с дерева, ладошку в колодец сложи да хлопни его другой ладонью. Или не хлопай – просто посмотри, как жилки в нем растут интересно. Вот скажи мне, псина, мы ведь с тобой рисовальщики – на кой чёрт работаем то? Вот чтобы таким немощам, как эти люди, мир показать! Они дураки – забыли, как на мир смотреть то надо. А мы им увеличиваем, акцентируем, показываем поближе те детальки, на которые они внимание не обращают. А они один хрен не понимают. Им всё подавай жопу на весь холст да картинки с анекдотами. А ты под ноги то посмотри.

Он обычно увлекался в своих рассказах и начинал просто

выступать с речами передо мной. Интересный мужик был, хоть и пьяный. Кормил меня сухариками. Всегда смотрел под ноги. Замёрз по зиме.

А для чего же мы, собаки, вообще существуем? Ну коты – вот, например, это запрещенная на нашей территории террористическая организация, созданная для тотального уничтожения человеческой цивилизации. Почему они этого не делают, вы, наверное, подумали? Они делают, но понемногу. Сейчас они уже сблизились с человеком, ластятся, картинки сами про себя делают, снимаются в интернет-приколах, и всё это для создания иллюзии безопасности и незащищённости их вида. Лёжа на самом больном и тёплом месте они на самом деле изучают ваш организм, ищут слабые точки! Я вам кричу – не верьте!

Попугайчики домашние – это их авиация. ЦВС – цветастые воздушные силы. Они не действуют скрытно, наоборот, отвлекают ваше внимание. Коты их вписали в съёмки интернет-приколов в последнее время, а они за это следят за людьми с воздуха, докладывают им обстановку.

Есть ещё, конечно, старейшие в мире колонии грызунов. По крайней мере я так думаю, что они старейшие. Просто они очень сильно любят всем подряд напискивать свою историю. Самая горделивая раса среди нас всех. Они как про мышинный город узнали – вообще звезду словили, с ума чуть от счастья не сошли. Отдать им должное – они же и самая истребляемая нация. Войну ведут столько, сколько себя знают. Даже развязывают иногда масштабные нападения на человечество, пару эпидемий организовали.

И вот вы представьте, сколько они положили людей, а котлов победить не могут!

Поэтому я вам говорю – не такие они белые и пушистые, какими кажутся! Ох не такие.

Ну а мы то зачем? Ну да, известно, что наши предки – волки. Дедами гордимся, все дела, но сейчас у нас страшная стратификация произошла, и собаки начали делиться на несколько видов. Те, что уже обрели дом и своих людей – зажиточные мрази, как правило, те, что обрели приют и какую-то подкормку и те, кто просто гуляет и всегда что-то ищет.

Последние две группировки – это кочевники собачьего мира. Одни из них встали в бесконечную и безнадежную очередь на хозяев, а вторые предпочли быть нормальными парнями, как я.

Но если коты созданы для терроризма, попугаи для слежки, грызуны для волнений и воинственных настроений, то зачем мы? И что нас в конечном итоге стало объединять? А то, что в самом конце нашего пути мы стали лишь вызывать улыбки у людей.

Но если задуматься на секунду, то не это ли смысл жизни многих из нас? Многие жизнь кладут на алтарь причинения всяческих удовольствий другим людям. И я говорю даже не о человечках за кассой вкусных заведений и даже не о моём любимом продавце колбас, а, скорее, о людях, что дарят нам улыбку просто так.

Я однажды наблюдал за девушкой одной. День был странный, и я решил его посвятить ходьбе за ней, но так, чтобы она не видела. И вот в какой-то момент она села на лавочку и томно закурила. Долго и больно курила – смотрела на лужу. А еще по сторонам с опаской, словно находилась в незнакомом месте и не понимала, что же с ней будет через минуту. Она выглядела очень нервной и раздраженной, топала ножкой в порванных колготках.

Обычно я предпочитаю так не делать, но в тот момент, без явной на то причины, очень захотелось. То ли девушка пока-

залась мне достаточно грустной для диалога, то ли колготки до конца порвать хотелось, чтоб не позорилась. Я подошёл к ней, сел рядышком и начал нарыкивать мелодию, которую мама мне сопела в детстве.

Не знал маленький и скромный я, что делать в таких ситуациях, а потому прибегнул к тактике кошек, а именно сладко помурлыкать. Получалось у меня это неважно, поэтому я просто чуть-чуть рычал. И она сначала удивилась моему ни много ни мало божественному диапазону рыка, потом сверкнула своей прекрасной улыбкой.

Если и существуют вещи, ради которых стоит жить таким как я, неприметным и вечно гуляющим, то в список этих вещей точно вошла бы та прекрасная улыбка.

Я на эмоциях, признаюсь, даже погладить себя дал.

Может это даже и к лучшему, что мы более не свирепые и кровожадные волки, а многие из нас очеловечились и стали добрее. Теперь мы можем подарить всем вокруг не только улыбку, но и надежду на то, что совсем скоро все будет хорошо.

В полнолуние люблю гулять, смотреть на воду, играть с ней.

Однажды луна отражалась в прозрачной луже. Она была так притягательно похожа на мисочку с водой. Большая штука, а я такой крохотный и безнадежно счастливый. Во времена, когда луна становится кругленькой я сажусь на берегу лужи и думаю о себе.

Ведь мы очень похожи с этим отражением. Луна в луже тоже всем видна, как и я. Луна в луже тоже полненькая. И, кажется, она улыбается. Иначе почему она светится?

Я, как и это отражение. Я не замечен тем, кто не смотрит на то, что рядом. Не замечен обычным людям, что возвращаются домой с работы и не видят того, что вокруг. Никто из них не видит красоту веточки, листочка, камушка и неба. Они не чувствуют тепло солнца, или прохладу вечернего пасмурного ветра. Они чувствуют голод, чтобы покушать. Они чувствуют грядущий дом, чтобы полежать. Они чувствуют уют дома, которого нет.

Кажется, что такие, как они, никогда не заметят отражение луны.

И они никогда не заметят меня.

Найдя лужу почище, я сажусь рядом с ней и смотрю на это отражение. Представляю, что это теперь моя личная маленькая планета, где я -большой хозяин.

Однажды, сидя рядом со своей планетой я мечтал о том, что когда-нибудь я на неё попаду. И буду там жить вечно,

никто меня с неё не выгонит, как выгоняли всегда. Никто и никогда не выгонит.

Продать себя —
— купи цветы

Играя с луной я и не заметил, как она стала моей первой любовью. Как волки воют на неё, так и я, как дурак, выл на отражение в луже, пытаясь докричаться.

Каждый раз, прибегая в этот парк, я надеюсь на то, что дети оставят игровую площадку, ведь на ней есть прекрасная лавочка. Дети не будут играть, не будут меня догонять и тыкать палкой. Родители не будут сидеть и обсуждать очередную течку Ирки из третьего подъезда, а дворовые парни не будут пытаться съесть своих дам, и я смогу вдоволь насладиться моей луной.

На той самой лавочке, на которой начались мои самые прекрасные воспоминания о ней. На той самой лавочке, сидя на которой выть на луну немного приятнее.

Кто-то назовёт это местом силы, моим дзэном или фетишем на конкретные деревянные изделия – не важно!

Люблю и всё тут, отстаньте!

И, чего скрывать, и по сей день я люблю выбираться на эту лавочку и сидеть на ней. Я сижу там, долго и пристально смотрю на место, где я расстался с моей луной. Вроде дело было вчера, а вроде и каждый день. Смотрю сквозь огромную толщ воздуха, пара и ваты облаков на то, что многим кажется безжизненным. А она очень даже живая!

Вот, например, когда у неё было настроение – она была яркой и весёлой на вид. Иногда она была похожа на аппетитный рогалик, иногда пряталась под одеяло ночных облаков. А когда было ей грустно и тоскливо – тогда и появился я на свет. Ведь если моя жизнь не создана целиком и полностью для неё, то зачем я вообще существую?

Я много думал о ней, а она ничего и ответить не могла. Из всего того, что я любил, она казалась мне самой искренней. Потому что, сколько бы я на неё не выл, она молчала в ответ. Выть было больно, я драл горло, а она лишь молча и снисходительно смотрела из лужи на меня.

Рожок мороженого из вафельки сделан, а внутри у него белая прохладная масса, сливочная такая. Люди не любят дешевое мороженое, а я вот очень, ведь дешевый рожок тоже приятный – химозный. И чем он химознее – тем вкуснее.

Вот бывает человек неловкий купит и уронит. Думает земля грязнее его собственных рук – а я подниму! Негоже еде под ногами валяться, когда я и сам ее скушать могу. Оттащу рожок в подвал, или зарюю в снег до вечера, если снег есть. И по вечерам слушаю радио и радостно уплетаю мороженое. Дешевое, грязное, но такое вкусное, что с ума сойдешь. Сладкое, как первая любовь.

Что такое улыбка для тебя, дружок? Мм? Разве это не одна из самых прекрасных вещей в мире? Кроме шуток, даже лучше зелёных и синих бумажек, которым люди всегда так искренне рады. И это с учётом того, что как бы не выглядел собеседник, улыбка всегда добавит ему приветливости и нежности. А ведь я пёс, я криво улыбаюсь. Хоть и часто.

А человечки просто не ценят такую простую штуку. Занимаются своими глупостями, ищут подвохи в улыбках. Если бы все немного искреннее друг другу улыбались, то стало бы точно интереснее жить.

И в канавах я, наверное, реже бы ночевал.

Да! Вся проблема в этом.

А если не хочешь улыбаться, то просто стань смелее, и послушай, о чём все они вокруг говорят.

Наверняка что-нибудь смешное лопочут.

Ммм... Чувство скорого прихода зимы волшебное, и всегда завораживающе вкусное. Холодный воздух, обмерзающие щёки. Первый минус по Цельсию на улице. Колхоз-

ные модники раскатывают свои подвороты, ребята перестают щёлкать ментоловые капсулы в сигаретах. А я просто иду, дышу и наслаждаюсь природой. Всё так волшебно, что вопреки невзгодам хочется бежать навстречу как старым сказкам, так и новым чудесам.

Старая зима была плоха, и я снова даю ей шанс, наступая мягкими лапками на первый снег. Старой зимой я бывал больным, иногда выброшенным на улицу. Старой зимой я лежал с братьями в будке. Старой зимой я с ними и простился.

Но я не унываю, ведь та зима на то и старая, что она давно канула в лету. Впереди меня ждут лишь новые снежинки, святящееся небо от новогодних фейерверков и падающие на землю сосиски у лавочки с хот-догами. Ну разве это ли не счастье, когда есть куда вернуться со свежей, но такой холодной улицы. Зимней улицы, по которой ты бегаешь как ненормальный, ищешь еду, гавкаешь на последних птичек и купаешься в снегу, чтобы как следует промёрзнуть и вернуться в родной подвал под тёплое одеяло. Лечь рядом с трубой горячего водоснабжения и хрумкать найденную булку, смотря на кусочек неба в вентиляционном проёме.

Кайф же, ну.

Кто говорит, что надо жить сегодняшним днем и только им – тот наглый лжец, и провокатор! Нельзя забыть то, что было с тобой на протяжении всей, пусть и собачьей, жизни. Я, думаете, на кой черт это все пишу вам тут? Да все потому, что я очень сильно боюсь случайно забыть, что со мной произошло, допустим, неделю назад. Я лучше запишу это. А вы, лучше, почитайте! Да-да, прочтите и запомните. Не знаю зачем, просто держите это при себе. Носите мою бесполезную околесицу с собой каждый день, она поможет вам любить. Мой бред подскажет вам, что ваши мысли и мечты – грандиозны и прекрасны. Мои грёзы о выживании и чистом кайфе, а ваши – о великом!

Ведь это иногда так классно, думать и вспоминать то, что было в прошлом, вот честно. Не зацикливаюсь на этом, просто смотрю в свою тетрадь. Иногда перечитываю. Чаще всего противно от самого себя, но иногда и приятно.

А еще лучше мечтать о будущем. Ведь иначе как бежать навстречу новым чудесам, если нету грёз? Непонятно...

Да и не важно это. Не все то, что приносит нам улыбку должно быть ясным и понятным, нам ведь не рассказывать об этом. Люди так часто говорят, что, мол, не говори никому,

а то не сбудется! А я, может, и не хочу, чтобы это сбывалось. Ведь ожидание чуда чаще гораздо важнее и приятнее, чем само чудо.

Ты спросишь меня, где же мой хозяин? Где тот самый человек, что удостоился чести жить по соседству с таким красивым мной? Не ясно...

А я расскажу тебе.

Это была девочка. Она училась в институте, рядом с которым и обитало моё прекрасное тело. Кажется, тогда оно было немного в ссоре с блохами и служило хранилищем дорожной пыли, но не суть.

Она принесла меня к себе в общежитие, где я и жил. На неё ругались человечки

из-за меня. Она кричала и плакала, но все равно любила меня. И в моменты полной тишины, когда странные мелодии играют лишь в моей голове лишь она с присущей ей лёгкостью, спасала меня. Из раза в раз она уничтожала тишину вокруг меня. Уничтожала на корню, принеся в мою скром-

ную жизнь звон своего ангельского голоса, с характерной девочке-подростку хрипотцой. Звон её голоса спасал меня в те моменты, когда я был совсем один. Тараканы в моей голове говорили друг с другом её голосом, а я с упоением слушал их.

Но в какой-то момент они замолкли, и я оказался вновь на улице. Человеки из её общежития велели меня отправить снова на улицу. В какой-то момент у неё просто не осталось выбора. Я её не виню – у неё своих проблем навалом, а тут еще я. Хотя признаюсь, вдвоём проблемы кажутся обычными бытовыми неприятностями, ну или, в крайнем случае, расходами.

Я прожил с ней совсем не долго, но воспоминания о ней до сих пор щекочут моё сердечко, заставляя смеяться мою собачью душонку.

Я всегда стараюсь быть счастливым. Но в те моменты я был счастлив немного по-другому. Кажется, по-настоящему!

Совсем скоро
день скоро

свы придём
куда и шов

домом
всегда

Как пёсик свободный – предпочитаю свободу от всего, в том числе и от имени. Для чего это оно вам – имя? Правильно, чтоб вас звали. А меня никто и никуда не зовет, смеются только да гоняют. Но я не против, ведь иногда, всё же, кое-кто зовёт. Один такой момент стоит тысячи плохих, ведь найдя друга – я обретаю и новое имя. То я гордый Вольдемар, вон для того забулдыги. Придумал себе, что я реинкарнация его бездомного друга. А для девочки из общаги я был Альфредом, тоже гордо звучит. Когда тебя называют Альфредом, знаете ли, сам собой втягивается животик и выпрямляется спина. А вот если Булкой назовут, то я бегу сразу в раскоряку и улыбаюсь как душевно больной. Однажды один студент назвал меня Воппером, во смеху то было.

А так да, нет у меня имени. Есть статус хорошего мальчика, а вот имени нет.

Пожалуйста дайте.

Я обычная собака, без имени и прочих красот. Моя планета мне абсолютно понятна. Мой мир всегда открыт и ви-

ден каждому. Для прохожих я не то, что открытая книга, а скорее открытая брошюра, выкинутая торопыгой-офисником по пути на свою серьёзную работу. А потому новых истин или откровений я не открываю для себя уже очень давно. Слишком много лет для меня все происходит одинаково изо дня в день. Плохо это, или хорошо, я не знаю. Не разобрался пока.

Однако знаю точно, что, погружаясь в подобные мысли, я ни разу не нашел в них спокойствия и удовольствия. А ведь для чего-то мы живем. Кто как. Я вот для кайфа, приключений и попутного тёплого ветра. И в мыслях о бытности окружения этого точно нет.

И поэтому я надумал себе то, что нет смысла в нахождении новых истин и откровений. Весь смысл – в их поиске. Ведь только на пути к познанию чего-то отвратительно нового ты и найдешь то, что на самом деле искал.

Лежал я как-то на тротуаре, и мимо моего пухленького носика прошла выразительного вида девушка. У нее были короткие волосы, от которых пахло летом и дождем. И в этот момент я представил в своей томной, скудного размера го-

лове то, что никогда не представлял.

Всю свою сознательную жизнь я жил свободным собачонкой, не знающей толком любви и прочих заключений. Ну было там несколько месяцев в общаге, но это была лишь вспышка в моей жизни. Появилась да потухла, я успел забыть, почти.

Но в этот момент я впервые в своей жизни захотел уснуть с этим запахом волос, в ногах этой тоненькой, прекрасной девушки. Лежа в ее ногах, нижайшим, но любимым существом.

Нижайшим, но любимым.

А так... Обычно я засыпаю странно. Голову мотает из стороны в сторону. Дабы уgomонить голову – топлюсь в подушке. Пытаюсь зарыться носом как можно глубже.

Одну лапку кладу под подушку, на холодненькое. Так мне спокойнее. Обнимаю и целую воздух.

Завитушки в моей голове разной формы и говорят о разном.

Завитушки в моей голове любят то, что я люблю, но силь-

нее.

Всё, чем я увлекаюсь – все это они обожают и жаждут гораздо больше, чем я. Они мечтают делать это, а я не могу иногда даже начать. Они думают о том, как круто было бы начать это делать, хотя бы попробовать.

А я тоже думаю, но не могу.

И в эти моменты те самые завитушки начинают очень приятную игру со мной. Они рассказывают мне, каким прекрасным для меня был бы мир, если бы все получилось. Я вижу себя важным и любимым, когда они это говорят. Любимым всеми, любимым человеком. Уже не псом, а тем, кого ждут и ценят. Ну, как минимум, знают.

В отличие от вашей любви моя собачья не нужна никому. Стучусь головой о дверь супермаркета, и не больно. Со всем. Представляете? И я не представляю, отчего так. А ведь там, за стеклянной дверью, живут люди. Людишки маленькие, но зажиточные.

И скуднейшего вида – людищи. И все равно им весело. Танцуют, пляшут в жизни-магазине. Берут с полок, что захотят. Едят прямо там, здесь и сейчас. Тусят с колбасой, закусывают сыром, поскользываются на вине и зависают часа-

ми в чайном отделе. И улыбаются друг другу, пусть и лицом иначе.

А я не могу туда попасть. Я тоже хочу там, с ними, упиться молоком и лечь спать в булки с повидлом.

Но не выходит! Никак не зайти! Скребусь – не откроют. Залаю – не услышат!

ПУСТИТЕ
МЕНЯ

ПРОШУ

Стою тут, мокну. Дождь постукивает по носу, песчинки прилипают к лапам и морда вся в перьях. Ну почему мне туда не попасть? Я же пытаюсь, до слёз пытаюсь делать как люди! Или меня просто не пускают?

Видел на днях, как в окошке одного из домиков сидел человеческий мальчик. Сидел да в игрушку играл. И тут подумал я такую вещь. Существуй игра про жизнь, выбрал бы ты себя как игрового персонажа? Вот с самого начала жизни. Поставь в меню себя и своих знакомых, а потом скажи, за кого играть будешь? Я бы обязательно выбрал себя самого, пусть я и мечтаю быть как вы, настоящим. У меня есть совсем чуть-чуть, и гордиться особо нечем, но это чуть – оно моё!

Тот маленький лоскутик, то самое «чуть», что есть у меня, могу с легкостью поделить еще на гораздо меньшее, и, например, покушать. Даже угостить кого-нибудь могу, но немножко. Совсем чуть-чуть. Зато не жадина, не говядина совсем. Отдам последний, пока сам могу выжить. Даже не

другу – врагу отдам.

Я всех люблю, и времени на жадность у меня нет. Я должен быть хорошим, честным, добрым и открытым – на остальной мусор времени не выделю. Есть время чуть покусать, да в путь, по жизни. Маленькой собачьей жизни.

Сил бы мне, ох дайте сил. Дайте, кто-нибудь, сил пухленькому, маленькому мне. Как бы высок я не был, я всю жизнь знал, что я ниже остальных. Я видел так, все были быстрее, сильнее, умнее и выше. Куда ни плюнь – всяк лучше. По крайней мере по его словам.

Дайте мне сил не смотреть на людей снизу-вверх каждый день. Кусочек силы ради того, чтобы наконец успокоить себя, уговорить свою внутреннюю страсть и верность, которые мечтаю хоть кому-то подарить. Одну каплю силы, чтобы заслужить доверие у близких. Отсыпьте немного, пожалуйста.

Или наоборот. Вдруг я всегда был сильным? Просто не умею пользоваться сам собой? Ношу сам себя по миру, как ребенок компас, который видит, что вещь нужная, а пользоваться не умеет. Зато красивый, да и умный, чего скрывать.

А вы любите цирк? А я там был! А я там жил! И живу. Ведь другим словом и не назвать то, что с вами происходит, друзья! Вот послушайте. Идет как-то мимо меня человек. Крупный такой, бахвалится своей работой, своим кожаным конвертом, бумажками да железной коробкой. Говорит, что железная коробка возит его куда он захочет. Хочешь – на работу! Хочешь – на огород! Хочешь – за покупками! Хочешь – в канаву!

И вообще, круто всё у него, прекрасно я бы даже сказал. Всё, что есть – сам достиг, заработал, занял, говорит. Любит это, и в жизни все хорошо. Есть девушка даже, живет с ней.

А поговорить с кем? А рядом кто с тобой? Есть ли тот, кто знает язык, на котором ты говоришь? И в конце концов, почему ты так и не заметил собаку за бортом своей железной коробки?

Да и вообще, где все твои псы да кошки? Их ведь было тьма, не знал куда девать. Они ведь тебя честно любили, просто так. Как и я они все ни черта не понимали в твоей жизни. Не видели они твоих бумажек, и, как и я, не понимают, зачем всё-таки они нужны. Они с тобой просто так были, потому, что ты человек такой.

А почему, все же, животных прогнал? Ах да, аллергия.

У неё. Теперь и у тебя.

Ну не клоун ли. Смотрите все, как он может! Жонглирует бензопилами и не боится совсем!

Это правда, что не существует ничего в этом мире проще, чем посмотреть вокруг, оглянуться, углубиться да заглупить.

центрировавшись на одном, очень крохотном и незаметном, ты упустил то, что и составляло твою жизнь. Все те люди, с которыми ты прошел этот долгий путь к забвению, те, что тянули тебя сюда, к четвертому десятку лет и аккуратно выглаженным штанам, где они сейчас?

А что ты на меня смотришь? Я просто собака, откуда мне знать. Я знаю только то, что ты на работу опаздываешь, придурок.

Как бы то ни было, я собака. Ей родился, ей и помру. Но у меня есть лапка-пейджер. Который ежечасно напоминает мне, насколько я ненавижу звонки. Этот пустой треп, даже без сотрясения воздуха, просто шипение змеи-провода. Я ненавижу телефоны, ненавижу связь. Мне проще пробежать через пол города, чем слушать часовой лай в пластиковую коробочку. Да и страшно мне, что вещь разговаривает.

А люди любят говорить. Даже телефоны на меня роняют иногда, если каблуком забыли наступить. Один раз так в лоб прилетело, что я два дня везде видел рекламу голых женщин.

А я не умею говорить, вот в чем вся беда. Может даже не

хочу! А в коробочку тем более не умею!

Писать научился, вот вам и пишу. Нравлюсь? Так читай! А я хочу и мечтаю видеть лоб оппонента моих немых дебат, если он ниже, и подбородок – если он выше. Дай мне волю – молчал бы всю жизнь. Ни слова бы не сказал. Любил бы бегать, и скулил, когда роняют пейджер.

Разве в этом мире может быть что-то более искренним, чем танцы людей друг с другом, под яркие ритмы жаркого, палящего солнца, или под вой не выпавшейся луны?

Правильно, ничего.

Бардак этот ваш секс, тупая сука эта ваша любовь. Танцы – вот что действительно зажигает оркестр жизни. Необъяснимое мне, псине, неконтролируемое движение под музыку, в которых, казалось, заурядный с виду человек выпускает из себя резким порывом всё то прекрасное, что копилось в нём всю жизнь, без остатка даря окружающим счастье в меру своих сил.

Будь то дикие рейвы, где слэм ломает тебе шею, а девушки в коротких футболочках – жизнь. Будь то медленный свадебный вальс. Да боже, даже в какую бы то ни было совмест-

ную жизнь люди входят в танце. А если подумать, то любовь – это танец...

Хотя нет. Любовь – это жонглирование бензопилами, другими словами – дискомфорт. Тот самый дискомфорт, ради которого каждый из вас, читающих, голову сложит, и будет прав.

Ничто не важно и смысла нет. Все перестает быть тревожным, пока будка моя закрыта на щеколду. Пока я лежу на смятом одеяле, и складки его упираются в мои, все не важно. Ведь пока я один – я могу многое, но в то же время я беспомощен.

Кажется, что вот, наконец, когда я останусь один – стану невозможно силён! Я смогу все! Я успею все! У меня есть блокнот и ручка, и там я запишу все, чего хочу. И весь день буду его слушаться. Но нет, сам знаешь, что не буду.

Стыдно, мы с тобой себя опять обманули. Лапы когтями цокают по ободранному линолеуму, а я вновь встречаю этот глупый рассвет, простите. По обычаю, своему держу одну лапу под покрывалом, на холодненьком, а сверху голову. Вот

так и засыпаю.

Почему вы, люди, не делитесь со мной едой, а?

Вы иногда из магазина приносите мне какие-то вкусно-пахнущие камушки, которые можно похрумкать с натянутой улыбкой.

Ну вот вы их хоть сами пробовали? Брр... Жуть же! То ли дело мороженое...или...или мороженое!

Угостите меня, а потом что? А потом идёте домой, готовить что-то по-настоящему вкусное. Сочные куски мяса с какими-то овощами, травой и порошком. Долго-долго извлекаете из них невероятные ароматы, чтобы в конце положить это все на самую красивую тарелку в вашем доме. А потом долго и вкусно кушать, слушая звенящую тишину вашего дома, через которую кое-как пробивается телевизор.

И в эти моменты вы наверняка по-настоящему одиноки. Какую-бы вкусную еду ты не приготовил – она будет в тысячи раз вкуснее, если кушать с кем-то красивым и приятным.

Со мной, например.

Странно видеть вас, о мои кормильцы и рабы моей милости, печальными или нервными. Чувства ваши, о создания, что видят мир с высоты полутора метров, мне непонятны. Так расскажите мне, наконец, так ли важны отношения человека и человека?

Стоит ли распылаться на так называемые чувства и, боже упаси, эмоции?

Наблюдая за поведением людей, я заметил, что ничего должного это не приносит. Эти действия не предлагают вам альтернативы кроме как секундное счастье и столетнее самокопание. Может вам, людям, как и нам, просто найти случку? И продолжить заниматься действительно важными делами, такими как воспитание своего внутреннего ребенка, игра с ним и утехи. А не проба пера в роли батьки самоуправца? Не подумайте, я не учу вас. Я и сам ничего толком не знаю, просто в моей жизни столько вещей, которых я не понимаю, что хотелось бы хоть в одной разобраться. Да и чувств внутри меня уже немного, всё растерял.

В тысячный раз убеждаюсь, что работа – это совершенно не богоугодное дело. Вот зачем вы, люди, работаете? Ни колбасы там вкусной не дают, ни даже мороженого. Сиди себе в офисе, да на кнопочки тыкай, а тебе потом бумажки. А глупые тётеньки в домиках с едой за бумажки дают вкусняшки всякие. За глупые бумажки! Почему-бы всем не выдавать вкусняшки каждую неделю? Чёрт побери, никак не пойму.

Ладно, итак, где там мой красный флаг?

Мы – высшие создания – людишки и собаки, должны жить в мире и любви с собой и друг с другом. Особенно с девушками. С ними даже больше. Но бывают и странные девушки, странно-красивые. Бывает узришь такую – и трясёт тебя как от литра спирта с эвкалиптом.

Но не та, оказывается.

А бывает видел тень самки человеческой в детстве – и на всю жизнь запомнил. И никто и никогда не изгонит из твоей несуразной упругой головы тот образ, что с незрелых лет прицепился как ряска с пруда. Было даже и у меня такое, хозяйка приснилась. А у меня её толком и не было никогда.

Так вот, не ищи, само попадётся. Убей в себе скептика, ты же здоровый человек, призываю тебя, одумайся! Найди себя и никого, с ними и живи!

А работа да, туфта полная. Когда мне уже начнут платить за то, что я дышу с вами одним, лукавым воздухом?

А жизнь все-таки приятная штука. Смотришь по вечерам вдаль и мыслишь только о бесконечно-вечном. Что любовь – это заговор правительства, чтобы не так упоительно могли балдежом кайфовать. И заканчивается она по неведомому нам космическому супер-выключателю. Коитус вообще придумали иллюминаты, чтобы сушить не рождённых детей на простынях и тем самым добывать себе топливо для путешествия в систему Осирис, или как они там себе её назвали, этот далёкий небесный бублик, на котором град звёзд рас-

сыпан как кунжут. А люди вокруг – это только твоя богатая фантазия разыгралась. Никто не здоровается с тобой, колбасы не даёт, да и в целом, выдумал ты всё. Никого нет. И самое страшное, что твои воображаемые друзья признают тебя, только если ты создашь из себя то, что они мечтали всегда увидеть.

И вот, долго и больно подумав об этом, стоишь и думаешь: лепить из себя совершенно сумасшедшие вещи, чтобы покорить собой глупцов и гениев вокруг, или все же попробовать до солнца пешком дойти, но одному?

Думай скорее, а то скоро отпустит.

Бывает ведь такое бежишь, лапками разгребая горячий асфальт, и смотришь на всех снизу-вверх, оценивая каждого прохожего. И все-таки, какие причудливые формы способна принимать мать ваша и наша, природа.

Ну посмотрите на этого мужчину, умный, блин, как стая математиков. Лицо будто топором сделали – рубленое, но по-своему симпатичное.

А этот парень – мясной поезд. На вид – вынашивала мать

его месяцев четырнадцать, не меньше. Под кожей будто не вены, а арматура, но лицо детское, нежное, как тортик с носиком-вишенкой. Идёт, наверное, мордочку ломать кому-то.

А третий... Ууу какой, лицо как у того ребёнка с пачки сигарет, страшный как война во Вьетнаме, кривой как моя жизнь. Но он симпатичен своим драматичным видом, да и судьба его интересна.

На внешность они все, главное, разные. Они все либо приятные, либо очень приятные. Но вот, бывает, пообщаешься с человеком и первая мысль, что посещает твой душный галлюн: "Как ты такой вообще до своих лет то дожил?«

Но даже к таким подход найдёшь, ведь ты такой же, только тупой ещё.

Шёл по Арбату и встретил собаку, то был мопс. На вид вальяжный, прилично побрит и в целом роскошный. Лежит так ещё уверенно, смотрит слезливыми глазами на проходящих мимо людей. Подхожу к нему и спрашиваю, а ты чего, братик, лежишь тут. Снаружи плохо, жизнь бурлит, животик тоже. А он мне такой и говорит: "Есть у меня мечта, лежу вот,

жду возможности пока сделаю её явью. Ещё немного и рывок, буду хорошим парнем, завтра. Сегодня я не успел еще"

А я ему такой "Ты что, брат, да ты не туда мыслями воюешь. Ты же помрёшь завтра, и что? Что делать то? Как ты прожил до сегодняшнего дня!? Есть ли тебе что вспомнить, много ли любил? А если любил, искренне ли? Не было ли это животное желание? К чему катарсис души твоей, собачьей? Осуществил ли ты все то, о чем думаешь по ночам, перед сном? Создал ли ты то, о чем люди будут вспоминать ещё сотни лет, порвал ли ты стереотипы? Хоть одного человека изменил?"

Ничего не ответил пес, лишь чихнул смешно очень и уснул, но случай вспоминаю с теплотой. Ну и псина же я, конечно.

А жизнь тарабаним по-царски, с поросычьим визгом. Обязательно!

Копишь-копишь, такой, на настоящую живую любовь. Силы тратишь, устаёшь на поприще пролетарской целины, помидорку последнюю на неделю растягиваешь. А настоящий

человек вон он, сидит в углу харчевни, косточку цыплячью обсасывает. Вы вот этого не замечаете, а мне снизу виднее. Вижу я, как ты, падаль, смотрел на ту девушку в харчевне. Смотрел на неё как голодный санитар на банку шпрот, добро так, с нежностью.

И губами жирными она тебе тоже улыбнулась. Да, пусть она и не то, что ты ждал от жизни, но зато своя, настоящая, честная и добрая.

Душевная, как книга.

Отдых... Как много в этом слове. Бывает, купит парень неловкий булок слоёных по акции, да так выгодно, что мне одну подарит. А я возьму ее, да сяду в тенёк, на лавочку. Сяду любоваться и думать. Так долго и так нагло думать, что, кажется, вот-вот и всё – прямо с этой лавочки в сквере и сразу в космос.

Полет мыслей, турбины сознания и иллюминаторы глаз – всё! И мысль о том, что день за днём проходит, а ты все ещё не в стране сказок, что в сундучке домовенка Кузи. Или где он там, не важно. Самое главное

Что ты...

Ты тут...

На лавочке...

Как дома...

Вроде мир огромный, а всё равно как в будке себя чувствуешь. Оно же дом для меня и для вас. Будка, которая как корочка покрывает твоё тело. Может поэтому, невольно, мне хочется выть иногда?

Ну а так. Жизнь кипит, брюшко рычит, вспоминаю счастье. Счастье для меня и проблему для другого, более смелого, чем я. Он ведь сейчас там, в сказочном домике, а я тут вот, как и обычно. Смотрю на тебя через буквы.

Когда-нибудь ты точно попадёшь в тот домик со сказками (ну или сундучок), обещаю.

Ну а пока пельменей захвати, когда домой пойдёшь, и бутылочку Крюшона, чмо жирное. Тебе ещё на работу утром звездовать, за бумажками.

А я тут посижу, посмотрю, полюбуюсь. Долго и нагло.

A CRAZYKY?

Каждый день как трек солевой андеграунд реп-группировки, ей богу. Но это только в голове. Переживая тысячи жизней, я не могу вычлениить из них свою. Смотрю на мир топающих вокруг меня людей и не чувствую себя частью этого мира. Не вижу важности своей жизни на фоне тысяч героев прочитанных мной книг, что были выброшены людьми на свалку как пылесборник как лишнее напоминание о былой мудрости. Не могу найти себя в миллионах образах актеров в просмотренных мной сериалах, что обрывками льются мне в глаза с незанавешенных окон.

Где я то?

Кто я?

Много раз я думал о том, что, переживая чью-то жизнь, я получаю гораздо больше удовольствия, чем возвращаясь вновь и вновь в свою. Каждое утро, продирая заспанные глаза я повторяю одно и то же, из раза в раз.

Так может мне, наконец, смириться, и начать поступать как настоящий человек?

Просто взять и с головой погрузиться в сотни серий сериалов про докторов или котов, или читать книги круглыми сутками. Превратить себя в сканер, что только и умеет, что считывать информацию из источников, коих носом коснётся, или всё же дать себе шанс на жизнь? Свою, собственную. Не зря же говорят, что человек сам кузнец своего счастья, ведь это правда. Правда ведь?..

Мы все умеем создавать новое, а сотворенное до нас – это наше полотно.

Ну, хотя, откуда мне знать. Я этот, как его... Гав-гав короче, всем спасибо.

Странно наблюдать за людьми, странные вы ребята. Куда ни плюнь – попадешь в "серьезного дядьку". Этот инвестор ни в себя. Портфель у него с твою голову размером, да и в целом, пошел нафиг, крестьянин.

Я с такими не вожусь.

Но если чуть отвести взгляд и посмотреть со стороны, то в нашу, чёрт пойми в какую зиму – все инвесторы, бизнесмены и финансисты. А как говорил один прекрасный, хоть и вымышленный, человек: "Если все супергерои, то никто не супергерой".

Ну да оставим их, кроме них есть еще пачка/другая профессионалов. Бизнес-тренеры, бизнес-аналитики, бизнес-психологи, бизнес-социологи, бизнес-социопаты и прочий мусор. Мне противно и страшно немного от таких людей. Сами себе выдумали какие-то бумажки, сидят да изуча-

ют их же.

Все это очень похоже на компьютерную игру. Но, отнюдь, не так, как говорит мой хороший друг, мол: "Это как игра. Играй и зарабатывай очки, чтобы у других меньше было. На игровые очки можно купить шмотки для твоего персонажа. А, и да, персонажа развивай, собака такая".

Нее, все не так, я думаю. Я думаю, что все эти ваши бабки кто-то придумал, кто-то очень умный. Назвал эту игру "Экономика". И теперь все эти люди вокруг играют в нее. Аж пена изо рта. Её не видно, но она есть. Трясутся за свой кошелечек, пытаюсь его всю жизнь набить, забывая про то, как им, собственно, жить то. И что это такое – настоящая жизнь. Мне то повезло – я собачка. Мне все равно, я все про себя знаю, у меня все проще, и никто для меня ничего не придумывал.

Я как родился с хвостом и усами, так с ними и уйду.

Как пес соседский, Тоша, говорит:

– Я с утра проснулся вот. Пописал. Погулял. И ищу что-то весь день. Я не знаю, что я сейчас хочу, поесть или на свидание, пока не разобрался. По ситуации, братан. Но во время поиска этого я смотрю вокруг, как люди несутся в своих железных коробках, не знаю откуда, не знаю куда. И меня всегда интересовало, знают ли они сами – куда они бегут?

Вот и я не знаю, Тош, не знаю. Да и откуда нам знать, мы же собаки.

Пойдем пожрём, братан?

Тоша
(побольше)

Я
(поменьше)

«Кто бомжей то бомжами назвал, я не пойму. Это ведь мы у них дома!» (Тоша так сказал).

А хотя стоп, и правда, получается это я у него дома. Как-то так и получается, ведь я и он на улице, которую некоторые сквернословы ещё «свободой» называют.

Кто бы что не говорил, а улица его дом, отец его портвейн и мать его анархия. И не имея ничего ни за душой, ни в карманах – он всё равно доволен, собака такой. Лежит вон, пьяный, воняет, да и в кайф ему.

А для тебя вот что такое дом, дружок? Я слышал, что вы живёте как боги, не меньше. Еда у вас есть каждый день, вы даже выбрасываете то, что кушать можно. У вас роскошные, вкусно-пахнувшие дома и одежды самые разные в них. Говорящие коробки дома и живые коробки на улице. Вода прямо везде – пей где хочешь! И огонь, если нужно! Вот это жизнь, мне бы так! А вы, сумасшедшие, ещё грустить умудряетесь, не понимаю зачем. На вас же как ни посмотри – ни одной тебе улыбки на лице.

А ведь у вас есть всё, что вам нужно.

Недавно я нашел кусочек странички из книжки, и там я прочёл: «И они ещё жалуются, хотят лучшей жизни... Еда валяется у них под ногами...» И не только еда, вообще всё, что вам нужно – уже есть вокруг вас. Смотрите под ноги!

Там меня и найдёте.

В продолжение темы поисков.

«Кто работал и потел, я того спросить хотел. А чего работаем то? Ради выжить – так можно не работать, я слышал. Ради покушать – так можно попросить у того, кто работает».

А в итоге то. Работа – это зачем? Почему? Куда? Работал бы я на обычной человеческой работе, если бы был настоящим мальчиком, а не просто хорошим. А может быть я, ровно как и сейчас, ходил бы по миру, кайфовал да страдал? Вот уж не знаю. Но я знаю точно, что всегда старался получить свою кружечку удовольствия каждый день. Ни упустил бы ни дня, будь я настоящим человеком.

Будь я настоящим ребенком – у меня бы, как минимум, было бы больше времени на этой земле, и жил бы я с восторгом и салютом в глазах, прям на всю катушку. Не важно где, на работе, или, как и сейчас, на улице.

А в свободные от восторга минуты пускался бы в размышления, лёжа рядом с любимым мной бомжом Валерием Степанычем.

Однажды я встретил хипаря, который блистал высокими фразами перед дамами миловидной внешности и гадкой натуры. Отошел в сторонку, чтобы маленького и милого меня не пнули случайно, в порыве миролюбивой беседы и слушал, тихонечко.

И вот, посмотрев на них со стороны, я увидел совершенно прозрачных людей. Я в принципе люблю смотреть со стороны и всячески прятаться от участия в беседе, тем более такой глупой, с такими глупыми. На кого бы я ни гавкал знайте – я в восторге от всего, без исключения. Я люблю людей, но только тех, что слушать интересно. Ряженный, дерзкий, самовлюбленный и невероятно красивый человек зачастую скучнее простой соседской лишайной собаки.

Но смотреть люблю на всех, со стороны. Смотреть и ничего не делать. Параллельно немного страдать от невозможности рассказать всем, что происходит в моей крошечной черепной коробке. Эдакий социальный куколдинг.

Ну да сейчас не об этом.

Валерий Степаныч, кстати, не простой бомж, он добрый и умный. Добрый он от того, что меня кормит, а умный потому, что от него мылом пахнет. Совсем не так, как от всех, а по-особенному. Он хоть и был бездомным, но мылся всегда так, будто через час у него важная встреча. Грел воду на костре, да мылся за углом, или в подвале. Натирал себя губкой для мытья посуды так сильно, будто хотел втереть её себе в кожу. Может пытался смыть с себя эти дурацкие взгляды ничего не понимающих людей, что ловил весь день. Не знаю.

А самое главное в нём то, что он любит жизнь свою, и улыбается часто. Он не работает, у него позиция такая. Он не гонится за славой, за материальными благами и прочим – он просто научился любить жизнь. И, как мне кажется, научиться правильно, с толком и расстановкой, любить – это величайшее мастерство. Если ты любишь человека – это всегда видно, а уж если ты научился любить своё дело, то ты не работаешь вовсе, и жизнь превращается в вечную погоню за сладким «завтра». Приторным и белым «завтра», как суфле или мороженое.

Даже если дело твоё – разгильдяйство. Бездельничать тоже надо уметь и делать это красиво. Чтоб лежал ты пьяный

в канаве, а остальным аж завидно.

Чтобы говорили все – вот он! Валерий Степаныч – лежит в канаве, а пахнет мылом. Таким же, как и у меня.

Искусство? О да, я могу в искусство!

У меня даже был учитель. Не знаю правда, знал ли он, что он мой учитель. Знаю лишь то, что каждую среду я отбивал пороги детского клуба игры на гитаре, скулил там. Пытался понять, зачем же это вам – музыка? Для чего люди берут в руки инструмент и играют. Мелодично выходит, танцевательно. Лапки сами в такт качают тельце.

Во, во, во, точно! Познакомлю вас с историей, как я увидел эту вашу музыку!

По натуре своей, собачьей, я – исследователь! Я всю жизнь живу с мыслью попробовать каждый лучик солнца и каждый ломтик вкусняшки в мире. Но самое интересное и в то же время отвратительное – это люди. И вот я решил познакомиться с еще одной гранью вашей культуры, а именно с музыкой. И помочь мне в этом вызвался строгий голос тёти Ларисы.

Тётя Лариса любила детей и любила кричать. С успехом совмещать это получалось в детском гитарном кружке «Ко-

стёр». И вот, каждый день в течение нескольких месяцев я сидел у этого самого клуба и просил, вновь и вновь. Просил выпустить меня. Подумал, что раз уж жить ка вы не даёте, так хоть пустите в мир творцов. Но с той стороны думали, что я прибудный. Может и правда, так оно и есть?

Хотя нет, просто представьте и поверьте! Я личность, и вера в моя в это крепка и огромна как рельса, или может кирпич, но увы. Мне ничего не оставалось, как из раза в раз сидеть у порога, думать да слушать.

Примечательная игра на гитаре разбавлялась криками тётки Ларисы. Кажется, именно этот крик и разжигал «Костёр», сжигая нервную систему деток, что пришли по выгону родителей за 450 рублей.

Но музыка всегда была хороша. Не могу объяснить почему, но музыка без видимых на то причин могла заставить меня внезапно то грустить, то улыбнуться. А иногда она меня мотивировала, и я, как заправский инфо-цыган шел пампить на площадку, параллельно думая о том, как стать великим кем-то, как-то, где-то. Великим кем-то, кто уж точно не я. Но зато он всё умеет, и вообще, человек!

И вот как ослепляет эта ваша музыка. С одной стороны, это прекрасно – вызывать эмоции при помощи ноток и слов. А с другой стороны это страшно, что кто-то думает за тебя, а ты слушаешь, очень долго и усердно. Не знаю. В одном уверен – волшебство это.

Магия – не иначе.

Вот ты бы смог спеть так, чтобы я понял, что не прибулдился, а на своём месте?

Слышишь меня – ты! Парнишка, что опять опоздал.

Как бы сильно мы не хотели казаться взрослыми, серьёзными и самостоятельными, знайте – вы себе лжете. Каждый день я лапками топчу асфальт, глядя как все вокруг спешат по своим делам.

Дядьки с чемоданами чешут в вагоны, дядьки помладше с портфелями туда же. И все такие серьёзные, я не могу. Кого ни спросишь, мол, чем человек твой занимается – все выдают заумную профессию. Настолько мудрёную, что кажется, будто она выдуманная, из трум-трумляндии: «А моя хозяйка... бла-бла-бла... инженер эротических войск, фото кисок каких-то продаёт. Наверное, собаки тоже есть! Слишком умная она, чтобы уделять мне время».

Потому то ты и со мной, что время тебе не уделяют, псина. Твой ошейник – твоё отличие.

Не, вы не подумайте, я прекрасно понимаю, что серьёзное дело – это серьёзное дело. Есть и те, ради дел чьих я готов

вилять хвостиком с утра и до вечера. Пользуясь таким случаем, как раз, хочется передать нижайший мой поклон поварам из «Хинкальной на углу». По вкусу понимаю – любят они свою работу.

А те, кто не любит оправдывается тем, что «Да, я ненавижу свою работу. Но сорок тысяч – это сорок тысяч.» Смешно так – серьёзные все вокруг, умиляюсь.

Но как только, в момент сна, вы остаётесь сами с собой один на один, то вам обязательно рано или поздно приснится прекрасный сон, где вы с той самой, в том самом месте, делаете то, о чем вы и представить не могли. Целуетесь, лижетесь, живёте нормально, или еще чего, что ты не можешь себе позволить в самых смелых мечтах. Вот в эти моменты люди вокруг и становятся чуть искреннее, чем обычно.

Проснувшись рано утром после увиденного сна – они расплываются в улыбке и чуть сильнее, чем обычно, прижимают одеяло к себе. С порхающими бабочками в голове они подходят к зеркалу в ванной комнате и широко так улыбаются.

А потом эту улыбку щёткой-щёткой натирают. До пены. Потом в раковину это, выплёвывая сладкие сны, окончательно их забывая.

А фото собак она, думаю, всё же не продаёт...

OnlyDogs

Собачий век очень короткий.

Даже не так. Непозволительно короткий даже для уличных бродяг, но он более насыщенный всякими-разными событиями.

Знаете, что, друзья? Даже очень!

Я всегда снаружи.

Я всегда незаметен.

Окружен вашими дорогушками туфельками – ищу в них своё отражение. Ищу приключение каждую секунду. Приключение и покушать. А потом опять – в путь!

Вот сравните. Родились вы, и родился я. Детский садик, тихий час, слёзы, каша с комочками, колготки от холода, колыбельные песни, борщ с чесноком, игра в мячик во дворе, рыбалка, велосипед, первый поход в школу, игры на перемене, первый верный друг, первый выбитый зуб, первая любовь, первые сладкие сны, первая порнографическая картинка, новые солнечные очки, мороженое за пятерки, заброшенные дома и прогулки по ним с друзьями...

И вот на этом моменте я уже умер.

А вы еще даже с девушкой не гуляли и даже пиццу с осьминогами не пробовали.

Ходить на шашлыки это, конечно, весело, но гораздо веселее пытаться выклянчить кусочек мяса, пытаюсь параллельно увернуться от летящих в тебя ног в уличных тапочках, столовых приборов и предметов средней важности. Это и есть моя бытность, моя страсть. На это я и трачу свою жизнь.

Скажу так, у меня не так много времени, чтобы распробовать и понять вашу эту «философию жизни». Я пёс, оно мне, собственно, и не надо.

У меня хватит жизни разве что на воплощение какой-нибудь крохотной идейки. На мировые догмы, смыслы жизни и сложные пути у меня просто нет времени.

Я должен этому миру всего три вещи: всё, везде и сразу, ведь нет в спокойствии и комфорте куража.

Уж поверьте.

Если рай и есть, то там точно пахнет имбирными пряни-

ками.

Да и вообще, если где-то пахнет едой, как правило, там точно хорошо. Мне виднее, это уж поверьте!

Я, если что, слежу за вами каждый день, и вот на что обратил внимание: молодые девушки идут за человеческими мужчинами, от которых пахнет модными и дорогими духами. Но буквально лет через пять-семь они всё понимают и начинают держать свой курс за теми, от кого пахнет едой. Ну и правильно, дорогие духи – это, конечно, хорошо, но ими брюшко не набьёшь. Понюхал раз-два, да и хватит.

Дети – самые искренняя раса среди людей. Ни разу не видел во вред лгущего ребенка. И это удивительно. Сколько не наблюдаю за вашими щенками – поражают меня всё больше и больше. Если плохо – он не терпит, а всем об этом сразу говорит, крича что есть мочи. Если радуется – смеется, заливается. Если прикольно ему – писается под себя и рыгает на мать.

И самое интересное то, что с годами искренность куда-то улетучивается, забирая с собой грёзы. Недавно на помоечку

мою любимую взрослый дядька выкинул кассету «Черепашки-ниндзя». И на миг, глядя на него я представил, как он, буквально одну мою жизнь назад верил, что они есть, где-то там, в канализации. Едят пиццу и борются со злом, параллельно тягая к себе домой симпатичных журналисток и парней в хоккейных масках.

У него точно была любимая черепашка, и в очередной потасовке во дворе он представлял, что в руках у него не две палки, а настоящие японские мечи, ну или если детство не задалось – «сай».

А сейчас вот последнюю ниточку, которая связывала его грёзы с реальностью я нашел на помойке.

Как это мило.

Страшно становится думать о смысле жизни дрожащему существу, такому, как я.

Я собака, и годы мои коротки как мужские носки летом. И потому каждый год я открываю для себя новый смысл жизни, но правда в том, что каждый раз ценности в жизни становятся все более незначительными.

Изначально может я и хотел жить ради того, чтобы изменить мир, но теперь я всего лишь живу из-за страха смерти. Я просто боюсь смерти, она стала для меня неизвестностью, странной штукой, о которой знают все и всё, но никто не знает, что после неё.

Так что с каждым новым днём я прихожу к тому, что жив лишь потому, что сдохнуть боюсь.

А ведь ещё вчера я мечтал стать великим кем-то!

Яйцо шоколадное нашел вот, с сюрпризом. Выбросил щенок человеческий, мелкий еще. Не понимает, что самое вкусное там – это игрушка! Ну да ладно.

Я-то, собака, умный. Шоколад мне нельзя, а игрушку можно. На пейджер пришло сообщение от Тоши. Не отвечаю – тут волшебное яйцо, а там обычный Тоша.

На секунду подумал о том, где он взял средство связи. Но потом перестал думать, не хочу. Тоша фантазёр, наверняка нафантазировал у кого-то на гудочек.

Хлётским ударом пухлой лапы ломаю шоколад как стекло, или как там пел классик. Внутри пластиковая коробочка.

Открываю зубами, ведь мне не терпится.

Внутри лежала игрушка и бумажка. Бумажки в последнее время невкусные пошли, а вот игрушки хорошие. Вонючие, твёрдые и химозные. Как арахис в глазури с японским хреном прям.

Внутри меня ждал... человечек? В костюме, с сумкой, в очках. Важный весь такой, как злодей настоящий. Злодей, что смотря на детей из их мешков и коробок с игрушками высасывает из них детство. Говоря, мол:

– Смотрииии! СМОТРИ НА МЕНЯ! Я – это ты через 20 лет. Внешне важный весь, взрослый, солидный, поглаженный, причёсанный. Я проснулся в 6:30 не потому, что "Дисней-клуб" начинается, и там мой любимый "Черный плащ", а потому, что вставать в 6:30 – это признак высокоэффективного человека номер пять. Костюм, что на мне я выбрал не сам себе, а мне его выбрала моя работа. Мои туфли стоят как все твои игрушки трижды. И я никогда не гуляю под дождем, перепрыгивая лужи, потому что у меня свой угрюм-водитель. Он везет меня в угрюм-компанию, в которой я и работаю. У нас даже есть слоган, и да, мы сделали эту игрушку специально для тебя.

Улыбайся же, малыш! Твоя мамуля денег заплатила за этот слепок угрюмой взрослой жизни.

Снаружи он может и стильный, взрослый и крутой. Но когда я его раскусил он оказался вонючим и пластиковым внутри.

НУ И КТО
ИЗ НАС

Тоша – пёс удивительный, хоть и скромный. Все у него наоборот. Говорит мне всегда – неухоженный я. А морда то у самого кудрявая, мохнатая.

Одно слово – солидно!

Говорит еще мне всегда – одинок он. Волчара мохнатая, ага, одинок он. Ну да. Сам нет-нет, да и пейджер у меня берет, Натьке своей написать. Натька далеко живет, солидная тоже. Родители ее тоже солидные, человека себе хотели завести, Настей назвать. Человечка не получилось, получилась собака. Натькой ее и назвали. Мы ведь, собаки, недо-люди. И дают нам недо-имена. Вот и вышла не "Настя", а "Натька". Умная, хорошая, живая даже. И даже собачьей породы, что не похоже на обычный выбор Тоши. У него то крокодилы, то удавы, то курицы. А тут глянь – настоящая, живая собака.

И такая прям... С какой стороны не глянь – порода её глаз щекочет. Выхватил, кобель. Ну я только рад, лишь бы пейджер себе украл уже наконец.

Люблю, когда вокруг любят. Даже и самому не надо, лишь бы вокруг довольны были. А я буду как вампир настоящий – присасываться к их любви и пить её. По чуть-чуть, не досыта.

Но этого хватит на пару дней, а там может и погладит кто.

И снится мне сон, будто стал я человеком. Что-то часто мне стала сниться полная версия жизни – человеческая.

Но опять же, даже во сне не получаю я всего того, что может каждый из вас.

В том сне попал я в огромный город, в котором тут же заблудился. Мне нужен был путеводитель, что чудом тут-же оказался у меня под носом.

Там были повсюду картонные люди, все, кроме меня. Я один настоящий остался. Куда идти – не знаю. А у кого не спрошу дороги – все молчат, даже голову не повернут в мою сторону. Мой путеводитель был грязным, настолько сильно, что не разобрать ни черта, и я решил сбежать. Как можно дальше. В аэропорт! Я ведь собакой был всегда, ни разу не летал, может хоть тут выйдет.

И вот я уже в зале аэропорта. Не знаю, как выглядит этот зал, в моём представлении это было огромное помещение, как ангар, полное стульев, вещей и самолётов. И тут я увидел ту самую хозяйку. Ну ту самую – из общаги! Которая любила меня, кормила, поила. Вычесывала мне шерстку и стала, наверное, той первой и единственной, которую я любил. И в этом теле, наконец, я мог ответить перед ней за свои чув-

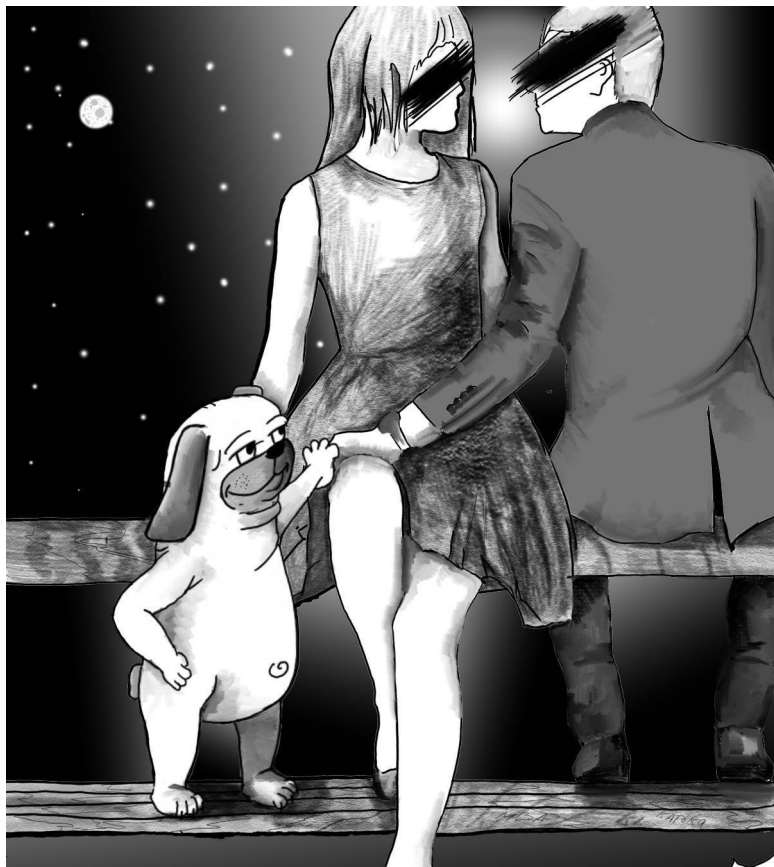
ства, показать их! Я побежал к ней, пытаюсь вилять хвостом, которого уже не было. С разбегу обнял её настоящими руками и прижал к себе. Правда, как оказалось, она тоже была из картона, однако немного другого. Нежного, бархатного и, казалось, тёплого, в отличие от сырого и вонючего картона, из которого были сделаны остальные фигуры людей. Похож на тот картон, на котором я спал в подвале.

Вдруг что-то порвало мою любимую. Картон начал рваться у меня в руках, падая на каменный пол обрывками. Я судорожно пытался его поймать, но глаза слезились, и я уже почти ничего не видел. Встав на колени перед обломками, я кричал, скулил и пытался собрать из них её снова, но как бы я не старался – у меня не получалось, пока мои руки вновь не превратились в лапы.

В том сне настолько она была похожа на то, что я хотел видеть рядом с собой, что как только открыл глаза я понял, что бесконечно влюблён в неё и не вижу свою жизнь без её тёплой ладони на моей дурной голове.

Вот, а вы говорите. Мы тоже мечтать умеем!

В чем ваш смысл, люди?

Не в том ли, что, пробираясь сквозь жизнь, вы мчитесь на пароходике развития к тому самому, сакральному сверхпространству разума? Каждый из вас ведь мечтал бы уметь всё, и кто-то даже что-то делает для этого. Расширяя границы своего восприятия и своих грёз, вы достигаете нового каждый день, пусть им в мелочах. Поговаривают, что таких у вас называют «гений». Что он не такой как все и вообще, дайте ему что-нибудь, чтоб он нам жизнь спас, сразу всем.

А что он такого сделал, что не можете вы? Ладно я, я-то ведь просто не успею. Я всего несколько лет жить буду, а у вас их целых... не знаю... много! Так вперед! Хватит бумажек уже, подарите вы миру себя. Свой талант, свой навык и свое творчество. Каждый из вас способен стать великим, пусть не для всего мира, но для кого-то точно. И как только вы создадите что-то сами – это и будет первым шагом к сверхпространству разума. Вы точно сможете всем овладеть.

А я смотреть буду, любоваться. Такие вы все у меня красивые, не могу!

Вы ведь все настоящие, правда?

Всего три состояния у вас есть: здоровое, пьяное, да влюбленное. Пребывая в вашей жизни нижайшим существом, я был и есть скромн, и тих. Я всегда таков, только до тех пор, пока вы не начинаете лезть в мою жизнь. Если всё это, про состояния, действительно правда, в таком случае откуда у вас эта вселенская тоска в душе? Сами ведь говорили, что любовь вам дарит крылья, алкоголь кураж, а в жизни должны быть всегда только добро да улыбки.

Так откуда вы это всё взяли? Борьба за бумажки, место в офисе, неведомое мне желание руководить всеми и ни капли творчества. Зачем вы так?

Хоть я и собака, но новой истины или откровений не открываю для себя уже очень много лет. Каждый день мне ясен, да и мир этот абсолютно понятен. Я это лишь к старости понимать начал, когда что бы я не делал – это не приносит мне должных чувств. У вас, кстати, также.

Для того, чтобы получить воистину яркие эмоции взрос-

лому человеку нужно, не знаю, совершить путешествие, или щенка сделать. А маленькому человеку нужно всего лишь залезть на дерево, ну или ткнуть в меня палкой. Удивительно, буду считать, что я превращаюсь в вас.

А если ради детского смеха и эмоций мне нужно потерпеть палку, значит я с радостью это сделаю. И вы терпите, не отнимайте эмоции у тех, кто к ним еще способен!

Я простая собака, хочу сплю, хочу ем, а хочу – бегаю как сумасшедший. Четыре лапы да хвост в наличии, однако желаю я себе домой целый космос без остатка, да чтобы каждый вздох мой был искусством. И я стараюсь, честно. Каждый день я создаю то красивую кучку, то рисую лапой по луже, но все не то. Что бы я не делал – никто этого не видит. Моё творчество в конечном итоге забывается, если замечается вообще. Одно потом ей вечное хранение – необъятные склады моей памяти! Дырявые, как носки забулдыги, но зато мои, собственные!

Заметил интересное. С каждым годом люди носят все больше в своих кармашках, мешочках да сумочках. Чем старше становится человек, тем больше вещей у него в кармане.

Видел подростка, с большими прыщами и небольшим телефоном. У телефона был маленький такой экранчик, с коробок размером. Проходило время, парень становился немного старше, начал ходить в другие места. Экран его телефона становился побольше, расцвёл. Наушники появились. Прыщи ушли, в сумке появился толстый кошелек, полный всякого пластикового хлама и фотокарточек. Появилась девушка – всякие другие коробочки в карманах вместе с ней. Бросила – эти коробочки заменили сигаретки. Самые невкусные и дешёвые, это я по его лицу понял. Такие прям, сигареты для катарсиса. Наушники без провода теперь, но они тоже со своей коробочкой.

И вот он уже идет не так бодро и легко, как раньше. Карманы всякими штуками набил, идёт в жизнь. Идёт уже не вприпрыжку, почти не бегают, разве что за большими металлическими коробками. То ли это груз вещей в его карманах, то ли взрослеет.

К земле его тянет немного, как и меня.

Мне всегда было интересно, что же там, на верхушках деревьев. Я же маленький совсем, не видно мне ничего, что же там наверху. Однажды даже я забрался на подъездный козырек. Он был весь в кустах, бетонный и поросший мхом. Впервые поставив свою лапку на этот холодный бетонный козырёк мне показалось, что я увидел в этих зарослях новый мир. Точнее, его кусочек. Маленькие заросли и кустики – прям настоящие деревья, мох – трава, а бетон – земля. Прям в точности земля. С камнями такая вся, и не выбраться из неё, если что.

И вот стоя на этом козырьке я впервые и увидел верхушку дерева. Она почему-то была лысой и странной, но я все равно улыбался. Она была все также недостижима и высока, но я все-таки понял то, что ничто не бесконечно. Даже деревья. Если кто даст – бесконечное увижу, потанцую и спою!

Собачья свадьба спрашивала, почему я грустен, почему я плох. Наверное, влюблен.

И я пытался докричаться им в ответ, что не влюбленный я, а уставший, даже слишком. Они все спрашивали и спрашивали меня, где твоя милая и щенки, я же был разбитый и ответить им не смог.

А потом они пошли доедать зазевавшуюся кошку, а я отправился в свой новый мир. Он бесконечен, пока я жив. Я иду туда, где дорогу мир рисует мне, пока я иду-шагаю-топаю. В том мире остались только улыбки, тепло и понимание. А как дойду до него, то заплачу. Сяду на камушек и буду только греться на солнышке моём, да разглядывать мусор под ногами.

Однажды со мной приключилась история.

Только один вид животного способен на необоснованную жестокость к ближнему, и это человек. Чаще они приятные и добрые. Иногда пьяные. А иногда и жестокие.

Однажды меня поймали. Хорошие люди поймали. Помню бежал к помоечке у магазина, там люди еду складывают, а я кушаю иногда. Бабушка там у помоечки стояла. Видимо она фишку просекла, что люди еду выкидывают, и решила тоже перекусить. Кушали мы с ней, да и понравился я ей. Нагнулась она ко мне, взяла меня на ручки да пошла домой, мелодично похрустывая пакетами и артритом.

Тряслись мы в железной коробке с ней часа два, потом приехали наконец. Домой меня завела и зашурстела дальше пакетами. Я сел с ней рядом, и мы начали делить награбленное. Правда, кажется, меня обманули. Ну да всё равно, я считать не умею, чего и вам желаю. Умел бы считать может и расстроился бы, а так мне было весело.

Пожил у нее. Хорошо у нее было, по-стариковски спокойно. Тихо до безумия, кроме тех моментов, когда она травила истории из молодости. Маша её звали. Для остальных Мария, для меня Маша. В её доме всегда приятно пахло едой и старыми коврами. Мы, как Сид и Ненси, продолжали и дальше наши вылазки за вкуснятиной, которую потом по-братски с Машей делили.

Но однажды в доме стало пахнуть хуже. Маше становилось плохо. Её кто-то звал. Звал навсегда. Она понимала, что скоро ей нужно будет уйти и надо срочно спасти мою мось-

ку. Так мы вновь отправились в путь. Мы приехали на базар, и она посадила меня на коврик перед собой. Порисовала на картонке и поставила её передо мной. Я притих.

И вот мимо нас прошла бабушка милого вида. В халатике такая, седая вся. Но пахло от неё... странно. Это был явно не запах старого халата, разваренной гречневой каши и сырых полов, к которым я уже успел привыкнуть. Это был кислый запах органики, специй и страшно вонючего одеколона. Она взяла меня на руки и несколько раз немного подбросила. Сказала, что я хороший, я приветственно повилял. Сказала, что забирает, я учтиво кивнул. Маша с вонючкой поговорили и, в какой-то момент, попрощались. Вонючка прицепила ко мне верёвку и повела прочь с базара. Я рыкнул нежно на прощание Маше, да улыбнулся. По мере моего от неё отдаления сухость пропадала с её глаз, а в моём горле, казалось, поселился большой и колючий ёж. Моё дыхание переходило в хрипы, толи из-за ежа, толи из-за давящей на мою глотку верёвки.

Мы пришли к ней домой. Запах лестничной площадки меня отпугивал не меньше, чем запах самой бабки. У двери вонючка засуетилась и начала быстро копошиться в своей сумке в поисках заветного ключика. Заветный ключик быстро нашелся. Я вошел внутрь.

Неведомый человеческому носу запах проткнул мои ноздри. Как вот... Понимаете, многие люди знают, как пахнет труп. Многие знают этот вьёвшийся сладковатых запах. Тут

пахло также. Еще у порога в мусорном пакете я увидел кости, по форме и длине напоминающие мою лапку.

Чувство беспокойства и тревоги не утихало внутри меня. Лапы будто налились свинцом.

Я не помню как, но мне удалось сбежать из этой квартиры. Наверняка она тоже была добрая, просто жить хотела по-своему.

А ещё я точно знаю, что Вонючка забыла спросить у Маши какой я. Если бы спросила, то знала бы, что я милый, уютный и безумно дорогой!

МИЛЫЙ
УЮТНЫЙ
И БЕЗУМНО

ДОРОГОЙ

Красота людей – страшно удивительная вещь. Правы те, кто сказал, что некрасивых людей не бывает. Но есть особенно красивые существа, и для каждого они свои. Кому-то рыжие по душе, кому-то пухленькие, кому-то вообще нравятся лысые или усатые.

И ведь в этом и есть вся магия нашей жизни – красота, что для каждого своя. Удивительно, что в каждом существе в нашем мире есть что-то красивое. И еще более удивительно – что люди, хоть с виду и безнадёжны, продолжают искать красоту во всём.

Тогда я тоже имею право быть самим собой! На меня тоже будет спрос, ведь правда? Я верю, что точно найду человека, который увидит во мне не просто застывшую грязь и запах подвала, а свою личную любовь, и когда наступит этот момент – я наконец отдам себя ему без остатка! Потому как любить своего человека – это есть красота и моя личная магия.

Давно меня мучает один вопрос. Почему люди так стре-

мятся к строгости? Мне и так наверх становится тяжело смотреть, возраст уже не тот. А там теперь хмурое не только небо, но еще и лица. Нельзя так, ребята!

Идя по новым тропкам моего старого города, я часто замечаю странности в поведении обычных людей. Все серьезные такие, а как смотрят на меня – смеются. Мне внизу прикольно, я по полу катаюсь или пританцовываю по пути к задворью очередной кафешки, с надеждой найти там что-то весьма питательно-привлекательное.

Смотрят только, а со мной идти не хотят. Ну сумасшедшие, не иначе. Такой кайф пропускают!

А мне вот, например, весело!

Я давно понял, что ваша жизнь человечья совсем не похожа на кино про кролика Роджера, в котором красotka обязательно достается самому смешному. В реальности же никто не любит рядом с собой видеть клоуна. Только в кругу друзей, разве что, да и то со своими границами. Много раз замечал, что нам приходится просто метаться от дружбы к дружбе. Тоша ведь тоже всегда был моим другом, бегали вместе,

махали хвостами из стороны в сторону, в такт шагам друг друга. Нюхали единственный кусочек асфальта среди грунта, потом бежали сломя голову навстречу ветру. Закручивали себе хвосты, да пугали ворон.

Но потом, вдруг, он решил стать кем-то, поэтому ушел куда-то, к кому-то. А я так и остался там, где был. Будто все вокруг взрослеют, стареют, а я как машинист поезда под названием «ЖИЗНЬ» вожу всех куда-то туда, в далёкую и необъятную тюрьму, что многие называют «взросление».

После Тоши пришел еще один, потом ещё и ещё, и вот мы пришли к тому, что самые ценные вещи все вокруг предали. И всё это ради того, чтобы стать как все.

Один я, как придурок, сижу да мечтаю.

Ты тоже такой. Ты ведь как я, самый смешной из людей. Каждый раз только и делаешь, что провожаешь своих более серьёзных друзей в другую жизнь. Само собой, тебя не позовут с собой, хотя ты там и так со своими приколами не нужен никому. Я ведь тебе говорил, что наверху все угрюмые и хмурые. Подними голову, глянь!

А я горжусь, что ты, мой друг – самый смешной из людей! Запомни это и улыбнись! Ведь настоящая жизнь начинается на уровне твоих коленок, там, где я да мусор.

Они все мне говорят, что нам, собачкам, легче. Так есть легальный путь стать мной – просто будь веселым и тебя, как и меня, перестанут воспринимать как настоящего. Как только ты выпускаешь внутреннего ребенка наружу – то всё!

Теперь ты ненастоящий. Ты для них – вымышленный друг, просто милое дополнение их прекрасной с виду жизни. На уровне моего роста ты станешь такой же собачкой, как и я, ценностей в которой как в брелочке, который дарит мимолётную радость вот этим вот «полноценным» людям. Хотя выглядишь ты вроде так же. В один дом ходишь с ними, в одной столовой топчешь фрикадельки, а он вон какой, оказывается. Делаешь в общем те же вещи, что и они, однако, как бы ты не хотел быть наравне с ними – так никогда не будет. Рядом с ними – ты талисман, с которым прикольно поболтать раз в пару месяцев.

Я вот так вижу, мне так кажется.

Ты был компаньоном, вторым пилотом, лучшим событием в их жизни, любовью или даже смыслом их существования. А теперь ты стал символом их вчерашней беззаботности. Вроде как глупость, которую хорошо бы забыть и никому не рассказывать. Но при встрече с тобой они будут вспоминать, как же было классно, когда-то давно, закручивать хвосты да пугать ворон. Как же было классно там, в твоём мире.

Ведь в наших с тобой головах царят полёты! Мысли не дают нам уснуть, а сладкие мечты так и норовят разлететься словами по всему миру, когда у них – это просто процесс, где все крутится вокруг походов в разные дома, за разными бумажками. И они ничуть не отличаются от тех жестяных коробок, в которых летают, в то время, как ты, мой друг, на-

стоящий, пусть все и делают вид, что это не так!

Ох уж вы, прикольные такие, не могу. Отношения у вас, любовь прям. С утра как выходите, а вокруг вас аж воздух плотный от духов и сигарет, ходить рядом невозможно. Странные вы. Все ведь просто. Подошел гордой походкой, глаза в глаза, нос к жопке и всё – она твоя. У нас так принято, обряд старьёй, но работает. А дальше у нас уже всё – любовь! Короткая, но невероятно яркая. Показываю ей всегда, где моя любимая мусорка. Пакет найдём, да и давай его грызть с двух сторон, вот это я понимаю любовь! А вы всё цветы рвёте. Они ведь даже едой не пахнут! И не надо ей никаких коробочек покупать, ни больших, ни маленьких. Ведь самое ценное, что я ей мог дать – это я сам, да и она мне себя подарила. А больше у нас ничего и нет.

Да и вообще, совсем вас девушки зажали, дорогие мои человеческие мужчины. Я ведь вижу все снизу, мне виднее.

Бывает видишь парня до свидания и после, забавная картина. Когда он один – выглядит, будто устал сильно, работал прям весь день. А как к ней приходит – яйца шоколадные

дарит. Работал на них, бедолага, а теперь отдаёт. А она ему никаких яиц не даёт, даже игрушку не подарит. Потом он ей говорит, что она красивая, а она ему нет. Молчит да улыбается, в лучшем случае. Он её на руках носит, а она его даже поднять не может. Он ей шутки говорит разные, веселит, как петрушка скачет, а она слушает да молчит. Ещё оценивает что-то, не понимаю в общем. Понимаю лишь одно – жалкие вы.

Вот недавно, буквально, к лапке прилип клочок бумаги. А там газета, что-то про неравноправие мужчин и женщин. Я аж в лужу сел, правы ведь! Наконец правы! Никто не равноправен, ведь прав то ни у кого и нет, одни сплошные компромиссы. У вас у людей в минусе вообще все, вы прям договориться не можете, никак вот совсем. Собрали кучу людей, придумали им разных ограничений, да сидите – пользуйтесь. А на самом то деле все вы – одинаковые. Просто кто-то хорош в одном, кто-то в другом.

А оправдания то у вас какие, боже ты мой. То биология не та, то территориально не там родился, то культурно слишком

прост. Вот с моей точки зрения в конечном итоге все вы – бесконечно высокие, хмурые и вонючие.

Но я же вас всё равно люблю.

Снится мне сон, значит. Сижу я в огромном трейлерном парке, в кабине, высокий весь такой и бородатый. Смотрю в зеркало и вижу там человека!

Настоящего!

Но там, в мире моих грёз это будто бы было нормой, там я был собой, человеком! С именем и огромной будкой на колёсах. Смотрю в окно, а там моя девушка, и мой щен..РЕБЕНОК! МОЙ! Это казалось мне в грёзах настолько обычным и привычным, что я просто улыбнулся, вместо того, чтобы разрыдаться да заскулить от счастья, как щенок!

Вокруг была толпа из людей, все шли к музыке. Кажется, у вас это называется фестиваль. Я тоже как раз туда собиралось. Так сильно хотелось!

И ещё один момент, вы не поверите, у меня была собачка! Я во сне был хозяином собаки. Но я был тем страшным, грозным человеком, что привязал своего друга железной ве-

ревкой к столбу. Привязанный пёс смотрел на меня глазами, которые я вижу по утрам в зеркале, когда за окном плохая погода, а кушать хочется. Глаза жалкие, грустные, просящие о чём-то. Я даже начал понимать людей тогда, ведь не услышал пса, своего друга. На секунду мне показалось, что пение доносилось не со сцены, а пела эта самая собака. Что-то грустное, затяжное, будто она всё знает.

Я даже не погладил её, помутненный счастьем, что наконец обрёл семью я помчался вперёд, к свету фонарей и музыке, что кричала мне в лицо со сцены. Моя грудь дрожала от вибраций электрогитар, а ноги непривычно ловко несли меня к сцене. И вот он я, здесь! Смотрю в глаза людям! Вижу их лица! И знаете, что? Тогда, в том сне, они показались мне счастливыми. Показались мне родными и понимающими. Будто все мы здесь собрались с одной большой любовью в сердце, и сейчас настал момент рассказать всем о ней.

Время пролетело очень быстро, мы продолжали стоять и любить друг друга. Жена грела мой животик, крепко обняв меня. И я так глубоко был погружен в свое счастье, что совсем позабыл про пса на веревке.

Я настолько стал человеком, что забыл про своего верного друга...

Концерт подходил к концу, и мы засобирались в сторону трейлера. Малой бегал вокруг и накрикивал песни с концерта, те, что ему больше всего понравились. Он уходил раза два от нас, сигаретами немного пахло. Курит видимо в тай-

не от меня. Ну пусть балуется, не буду мешать ему шишки набивать. Правда если поймаю с поличным – придется поговорить. От такого разговора ему, наверное, еще больше захочется курить.

В пучине своих мыслей, криков фанатов и гудков коробок я не заметил, как подошел к трейлеру. Вроде всё то, всё также. Но собака была мертва. Лежала так, будто уснула. Будто пытается укрыться тормозным следом перед ней, что слегка наезжал на её шерстку. Но как им укрыться, если он такой короткий?

Однажды я ел пластиковую игрушку, и она встала в горле. Дышать было тяжело, горло кололо. Тут было почти также. Только если тогда кололо горло, не выходя за пределы шеи, то сейчас иголки в горле проникали в голову и лезли прямо до мозга, а через мозг – в глаза, выталкивая слёзы. Глотать было тяжело. В тот момент я бы многое отдал, чтобы проснуться на минуту раньше, но видимо кто-то хотел, чтобы я это увидел.

Сынок подошел ко мне, попросил сигарету. Всё его лицо было красным и покрыто будто слоем желе, до блеска. Глаза были такие огромные и такие грустные, прямо как у этой собаки часом ранее. Я дал ему сигарету. Все подошли к собаке и встали вокруг неё.

И вдруг всё смолкло. Концерта уже не стало, мы стояли посреди поля. Дым двух сигарет немного подсушивал нашу грусть. Я не мог молчать в этот момент, и, встав перед моими

близкими людьми, я сказал, что мы никого и никогда больше не оставим. Я дал обещание, что никто и никогда рядом с нами не будет одинок.

Что бы не произошло – мы обязательно вернемся в этот парк. Мы вернемся и спасём тебя, мой друг.

Такие грёзы и приближают меня к тому, от чего я убегаю всю свою жизнь. Может скоро я стану как мой друг, что каждый день просит железки и бумажки на улице перед большим белым зданием. Люди носы воротят. А ведь он такой-же, только пахнет немного странно.

Он ведь добра вам всем желает. Не пьянства ради, а здоровья для, стоит тут перед вами. В одежде, но как голый. Не стесняясь, скорее, от страха, просит дать ему монеток на дорогу, чтобы уехать от этой дурацкой и сложной жизни в забвенное пьянство. Ищет надежды потеряться там навсегда и не слышать больше никого, глупец. Плохое только слышит всегда, оттого и бежит.

Вот и я, вдруг тоже, таким стану. Хорошо бы перестать думать о плохом и искать пути, как бы жизнь пропустить. А

то уйду я из неё и всё! Конец! Как тут без меня всё будет? Развалится же. Красоты и лёгкости станет меньше, угрюмости больше.

А так этот мужик вообще хороший. Вот сколько монеток настреляет – столько и потратит. Купит кое-что, да поковыляет это пить.

Сядет один в подвале, да пьёт за их здоровье. За удачу того дядьки, что второпях кинул бумажку побольше. Пьёт за здоровье бабушки, что пару монеток дала. Еще выпьет за успешную сдачу экзаменов того парня, с пяточком. Да за всех, кто мил был в этот день.

Сидит, не тратит время на сравнение себя с другими. Просто провожает этот день, желая всем счастья.

Они меня перебивают!!!

– Так вот... иду я к ней

ПРЕКРАТИТЕ!!!

– Ну так вот... Бегу я за тем парнем

ААААА! Замолчите!

Я не могу ничего сказать. Никому. Сквозь ропот этого ми-

ра мой голос будто не слышен. Я лаю, а они и не слышат. Каждый вокруг погружен в собственные заботы. Под светом самого праведного фонаря мечтаю вам сказать хотя бы одну собственную истину, но так и не могу быть услышан. Поэтому эта тетрадка – единственный мой спасательный круг. Единственный способ поселить у вас в головах, читающие это (если вы, конечно, есть) кусочек себя. Я ведь тоже личность, пусть и собачья. Я тоже мечтаю рассказывать! Прямо вот как вы хочу, чтобы дома всегда ждали меня. Спросили, как там их пупсик, как там у меня дела. Мечтаю, чтоб долго-долго слушали меня, а в самом конце поняли, кивнули, и поддержали. А после рассказали ещё кому-нибудь о счастье маленькой собаки.

Не перестану я тут писать о грёзах, так как нет у меня ничего больше. Часто перед сном думаю о разном. И вот сегодня был похожий день. Я лежал и представлял то, как в прошлой жизни я был настоящим пиратом. Читал книжку про них и представлял, как пахнет вокруг морем, порохом и пьянством. Как забираюсь я на самый верх, смотрю вдаль, в

надежде увидеть корабль сытный, чужой. Потом кричу всем вокруг об этом, и, наконец, мы летим на нашем парусном монстре вперед, к нему, на abordаж! После обжившись вкусняшками плывём дальше, скрываясь от глаз всего мира посреди бескрайних вод, где сам царь морской нас не найдёт.

А все для того, чтобы, лежа в каюте ночью, в очередной раз перед сном понюхать кусочек деревяшки от бочки с ромом, да уснуть под убаюкивание волн.

Рассказываю сам себе это перед сном, даже спорю иногда. Так ярко рассказываю, что аж завидно самому себе, что выдумщик такой!

НРАВИТСЯ
ДУМАТЬ, ЧТО
В
ПРОШЛОЙ
ЖИЗНИ
Я
БЫЛ
ПИРАТОМ

Пейджер мой устарел, некому писать. В прочем, как и до этого, но не видеть на экране буквы немного грустнее, чем просто ждать и верить в случайный писк. Так жаль, он ведь стал для меня вечной вещичкой. Той самой, что невероятно дорога мне. Той самой, что была со мной всю мою крохотную жизнь. Я чувствую понемногу, скоро и мой экран погаснет. И даже праздная хмурость окружающего мира пропадет, уйдёт все. После этого, вероятно, будет то, что было до моего появления на свет. Тьма, пустота, и воспоминания о тех вещах, с которыми я связал свою жизнь. В каждую из них я вложил кусочки своей души, и найдя эту вечную вещь человек, надеюсь, улыбнётся, закинет её в карман и пойдёт на ближайшую лавочку, сидеть да смотреть на неё. Будет представлять, кому она принадлежала, и какая у неё судьба была. Будет думать также, как и я когда-то.

А пока пусть мои вещи будут со мной. Расскажу им побольше.

Чем старше я становлюсь, тем ближе к мечте – стать человеком. Я черствую, амбиции превращаются в цели, а к земле тянет с каждым днём всё сильнее. И ищу чего-то каждый день. А что ищу и сам не знаю. Бегаю из стороны в сторону, что-то хочу, жду чуда, а его всё нет и нет. Люди странные, не знают, что искать. А я, когда я был моложе, чётко знал, что я ничего не ищу. Я шел по жизни вприпрыжку, а найти это самое «ничто» и было моей целью.

И я верил, надеялся, что в конце своего пути я, наконец, найду ничего. Но я ошибся и нашел себя.

С ним и живу.

Когда гаснет летящая вниз звезда всегда так грустно и холодно на душе. Последний огонёк самый тоскливый, а секунда падения превращается в контрастный душ из чувств и

эмоций, который только через долгие годы долетает до нас.

Так и я, как эта звезда, всегда был горячий, яркий да нежный. Всегда любил всех. Но в конце пути меня ждал не взрыв, а затухание. Сейчас я уже хожу медленнее, а точнее болтаюсь где-то, в этом огромном, алюминием оббитом мире. Ищу не грёзы, а место, где бы лечь да не замечать пустых глаз вокруг. Я не влюбляюсь в лужи, я их избегаю. Боюсь увидеть в них угасающую звёздочку.

Одна лишь тетрадка греет моё сердце. С неё все начиналось, ей всё и закончится. Она знает всё про меня, а я с её помощью все помню. Больше всего в своей жизни я боялся забыть. Спасибо тебе, тетрабочка!

Только ты тут и осталась.

Сколько бы не жил, а умирать, или, как вы говорите в нашем отношении, "сдохнуть" больно и страшно. Но я считаю, что неважно как много боли и грусти ты испытываешь. Это не должно делать тебя несчастным. Вот и сейчас я хихикаю про себя, забавно всё-таки всё прошло. Хорошо посидели.

Хотел бы я, нет, даже мечтал умереть в каких-нибудь лю-

бимых мной руках, чтоб не так страшно было остывать и перед уходом думать только о хорошем. Но я все равно очень постараюсь до самого конца быть хорошим мальчиком.

Хоть это и сложно, я далеко не в любимом подвальчике, и даже не на одеялке, я в канализации.

Воняет – жуть!

Но подумайте, не только ведь кошкам дурацким в последний путь уходить, я тоже людей пугать не хочу. Ко мне то и к живому рожу корчили негожие прохожие, а тут вообще кошмар будет.

А если бы увидели, то что? Дворника, наверное, позвали бы, и он неаккуратно сгреб бы меня на лопату и кинул в тележку. Но сейчас я здесь, в канализации. И найдут меня разве что черепашки ниндзя, если они, конечно, есть. Или всё-таки найдет меня тот домовёнок и отнесет меня в сундучок, где я, наконец, отправлюсь свою последнюю сказку.

Сейчас я собираюсь, наконец, в последний путь. Путь, в конце которого будут только мои любимые грёзы. Я стану, наконец, человеком. Никто рядом со мной не будет одинок, никто не будет оставлен мной.

А если оставить шутки, то даже страшно представить, что же там меня ждёт, за пеленой моих в последний раз закрывшихся глаз. Я надеюсь там найдется тот, кто так долго меня ждёт.

А если ты это читаешь, то знай, что у всех нас в итоге всё будет хорошо. Ведь все мы – прекрасные люди! И я тоже

человек!

Самый хороший человек.

**СПАСИБО
ЗА ВСЁ...**

